

Архимандрит ДАМАСКИН (Орловский)

Подвиг мучеников в следовании за Христом

Благодаря трудам церковного историка, агиографа, доктора исторических наук архимандрита Дамаскина (Орловского) мы узнали около тысячи имен новомучеников, пострадавших за веру в XX веке. Сорок пять лет отец Дамаскин собирает сведения об этих людях. Он составил целый корпус житий новомучеников и исповедников Русской Церкви на основе архивных исследований и сбора свидетельств очевидцев. Его труд послужил основой для принятия решения о канонизации целого сонма новомучеников на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году.

— Первые встречи со свидетелями гонений на Церковь в XX веке у вас состоялись, когда вы были еще студентом Литературного института. Откуда возник интерес к этому периоду истории нашей страны?

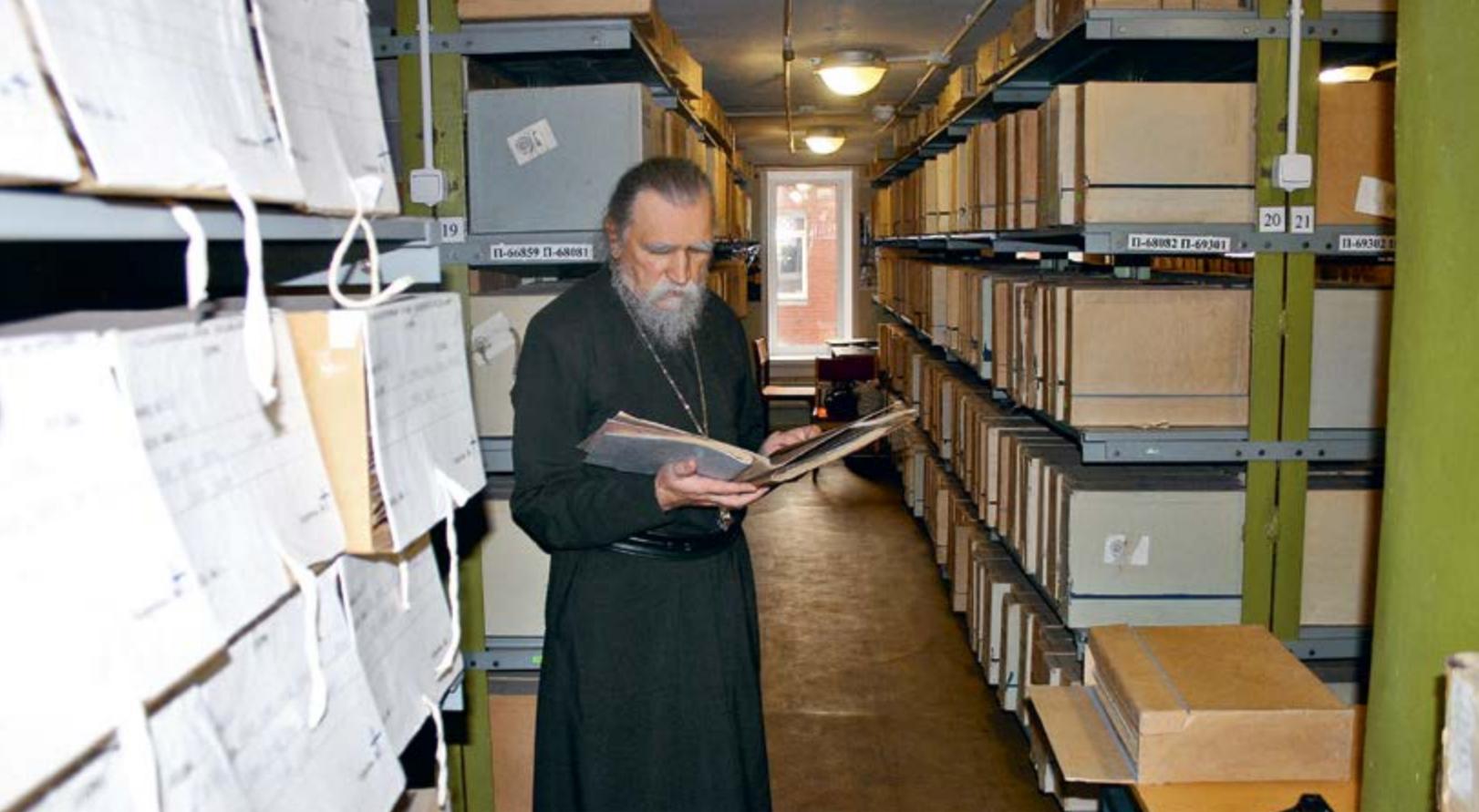
— История развивается органично, мы получаем сегодня плоды тех «растений», которые были посеяны вчера. Мне было важно понять, какие семена были тогда, то есть в 1920–1930-е годы, посеяны, чтобы разобраться в исторической правде и не поверить простодушно лжи и тем самым не нанести урон своей душе. Я читал много материалов по истории и расспрашивал людей старшего поколения — свидетелей прошедших событий. Большинство моих собеседников были глубоко верующими людьми, и они, рассказывая о христианах, пострадавших за веру, хорошо понимали суть того, о чем говорят. Мои собеседники зачастую являлись духовными детьми новомучеников, они знали их, любили, ценили, а некоторые и сами были выдающимися людьми.

— Вы рассказываете, что эти люди стали вашими учителями. Что они для вас открыли?

— Я увидел святых людей, которые обладают духовными дарами. Одни обладали даром покаяния, другие — даром рассуждения, третьи — даром любви, которая делала их свободными от этого мира настолько, что окружающие их трудности и их собственные страдания для них ничего не значили.

Опыт соприкосновения с человеком, душа которого облагодатствована безмерно Духом Святым, трудно забыть. Мне была интересна жизнь этих людей. Каким образом Господь оделил их дарованиями, о которых мы читаем в житиях святых? Мы читаем, что некоторые подвижники древних времен обладали даром покаяния, даром слез, имевшим не психологический, а духовный источник. Я расспрашивал этих людей об их жизни, для меня был важен путь человека, которым он шел, прежде чем обрел эти дары.

Внимая их опыту безошибочно отличать добро от зла, я учился у них. Они были как бы вне времени. Обычно человек, лишь накопив большой житейский опыт, начинает ориентироваться в жизни и понимать, что вокруг происходит. А им совершенно этого не требовалось. У них был другой источник. Они понимали происходящее, как его понимали святые отцы, которые имели дар рассуждения и куда яснее видели окружающий мир, нежели люди, старающиеся через усвоение внешних знаний понять окружающее. Это небесные человеки, которые, будучи людьми духовными, наш запутанный душевный мир видели насквозь. Они могли говорить тебе о тебе самом то, что скрыто от других. И говорить прямо, не тратя времени на околичности. Будучи как все духовное просты, они вели прямые и простые отношения. Их было трудно обмануть. Имея в себе дары Духа

В Государственном архиве Российской Федерации

Святого, они видели все, что есть в твоей душе. Опыт соприкосновения с такими людьми дал мне практическое понимание, насколько духовная жизнь выше материальной и насколько вообще может быть высокой духовная жизнь, когда люди все время находятся в присутствии Божиим. Это мне помогло расставить приоритеты в работе и одновременно понять, что я перед собой вижу Невесту Христову — Церковь, которая будет существовать до Второго Пришествия. Для меня это был незаслуженный опыт, я получил его лишь за мою решимость заниматься собиранием сведений о святых новомучениках. Господь дал возможность через одних святых собирать сведения о других.

— Вы собирали сведения о людях, которые пострадали за веру, но до их прославления было еще далеко, и само понятие «новомученики» не было в ходу.

— В церковной литературе это понятие возникло довольно давно. Термин «новомученики» стал употребляться в конце XV столетия и обозначал мучеников, пострадавших от иноверцев в Османской империи. Для православных греков этот термин был естественен, потому что они жили в Церкви, условно говоря, существовавшей в Римской империи, где были первоначальные гонения, когда появились перво-

мученики (древние мученики); затем империя пала и настало время гонений на территории Греции — эти пострадавшие исповедники и стали называться новомучениками. Для России этот термин ввел протопресвитер Русской Православной Церкви Заграницей Михаил Польский, который свой двухтомник, вышедший в 1949 и в 1957 годах в Джорданвилле, так и назвал: «Новые мученики Российские». Этот неологизм не совсем правилен. Мученики не могут быть новыми и старыми, потому что суть мученического подвига всегда одна — это верность Христу даже до крови. Массовый феномен мученичества появляется тогда, когда государство непримиримо настроено к христианству: в Римской империи, в покоренной турками Греции или в советской России, где правительство свою антирелигиозную позицию само назвало воинствующим безбожием. Мученичество — нечастное явление. Обычно оно занимает целую эпоху, когда государство ожесточенно преследует Церковь. В России ранее подобного не было, до наступления XX столетия не было массовых случаев мученичества. Но пришли 1917–1918 годы, когда развернулось гонение на Церковь. И тогда началась эпоха мученичества.

Да, те пострадавшие люди, о которых я спрашивал свидетелей и участников событий

тех лет, не были еще прославлены, но по восприятию моих собеседников и по деталям мученического подвига уже было видно, что они ничем не отличаются от древних мучеников, — они идут за Христом, невзирая на страдания и предстоящую им смерть.

— Вы начинали свою исследовательскую работу в 1970-е годы, когда тема преследования Церкви была практически под запретом: протоколы допросов мучеников хранились в засекреченных архивах госбезопасности, церковные газеты выдавались только в спецхране Государственной библиотеки имени Ленина. Все информационные каналы для церковно-исторических исследований были перекрыты, и, чтобы заниматься этим вопросом и посвящать ему всю жизнь, надо было иметь особое дерзновение.

— Я никогда не считал себя достойным этого рода деятельности.

Господь мог любого другого человека призвать для этого дела. Как говорит Священное Писание, Господь может и *из камней воздвигнуть детей Аврааму* (Лк. 3, 8). Но получилось, что другого человека тогда не нашлось, и Господь выбрал меня для сохранения этой очень важной стороны церковной жизни, которая касается святых последнего времени.

Я же был в то время совершенно уверен, что архивы будут открыты, в этом у меня не было ни малейших сомнений. Уже сам факт существования человека, который собирает сведения о мучениках для церковного прославления, показывал, что Господь уже определил время открытия архивов и канонизации мучеников. Прославить их без перемены политической ситуации и без изучения архивов было невозможно. Для меня важно было успеть сделать то, что можно сделать сейчас, не прибегая к помощи архивов. Да ведь и свидетели, с которыми я общался, представляли сами бесценный архив, а они уходили из жизни и уносили с собой все, что знали, поэтому надо было поторопиться.

Из опубликованного были материалы, которые хранились в Государственной публичной библиотеке и еще в нескольких фундаментальных библиотеках, — те церковные журналы, которые не попали в спецхран по формальным признакам: они были изданы до того, как советская власть окончательно утвердилась на тер-

риториях некоторых краев и областей страны после краткого пребывания здесь гонительницей Церкви, и потому относились к дореволюционному периоду российской истории. Эти журналы выдавались свободно, и в них также было много нужного мне материала.

В 1989 году был принят закон о реабилитации жертв политических репрессий, но еще без предоставления исследователям материалов судебно-следственных дел. Однако, поскольку реабилитация уже состоялась, прокуратура предложила тогда епархиям, в частности Тверской, ознакомиться с материалами по реабилитации, которые представляли собой уже не краткую справку, а подробное изложение биографии человека и сути следственного дела. Мы пошли в Тверскую прокуратуру и выписали все, что касалось тех, кто был репрессирован и реабилитирован на территории Тверской области из числа духовенства и верующих. Эти материалы впоследствии были переданы в Синодальную комиссию по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших в советский период.

— Вам первому из церковных историков стали доступны материалы из более чем сотысячного корпуса судебно-следственных дел за 1917–1950-е годы, документы органов госбезопасности, Архива Президента РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива. У вас тогда не было опыта работы в архивах. С какими трудностями вы столкнулись?

— Архивы открылись в 1990 году. Я каждый день ходил в архив как на работу. Изучал судебно-следственные дела новомучеников, читал попавшую в следственные дела их переписку, все, что касалось их судеб. Перед человеком, который попадает в архив, возникает вопрос, что он хочет узнать, что изучить, что найти, понять и извлечь. Перед тобой море материала в десятки тысяч страниц. Для меня же цель моей работы в архиве была очевидна: я собирал материалы для канонизации. Я знал, что искать, какие именно судебно-следственные дела мне нужны, потому что до этого много расспрашивал, изучал историю Русской Церкви XX столетия по печатным источникам и уже имел какое-то представление о той эпохе. Вскоре я понял,

В читальном зале Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации

как устроен архив и где в соответствии с административным устройством государственного аппарата и территориальным делением хранятся те или иные судебные-следственные дела.

За пятнадцать лет работы в архиве я просмотрел около ста тысяч дел. Где-то фигурировал один человек, где-то много людей. Некоторые дела приходилось читать многократно, возвращаясь по несколько раз к изучению документов, разбираясь в деталях, чтобы понять, что же все-таки на самом деле тогда произошло.

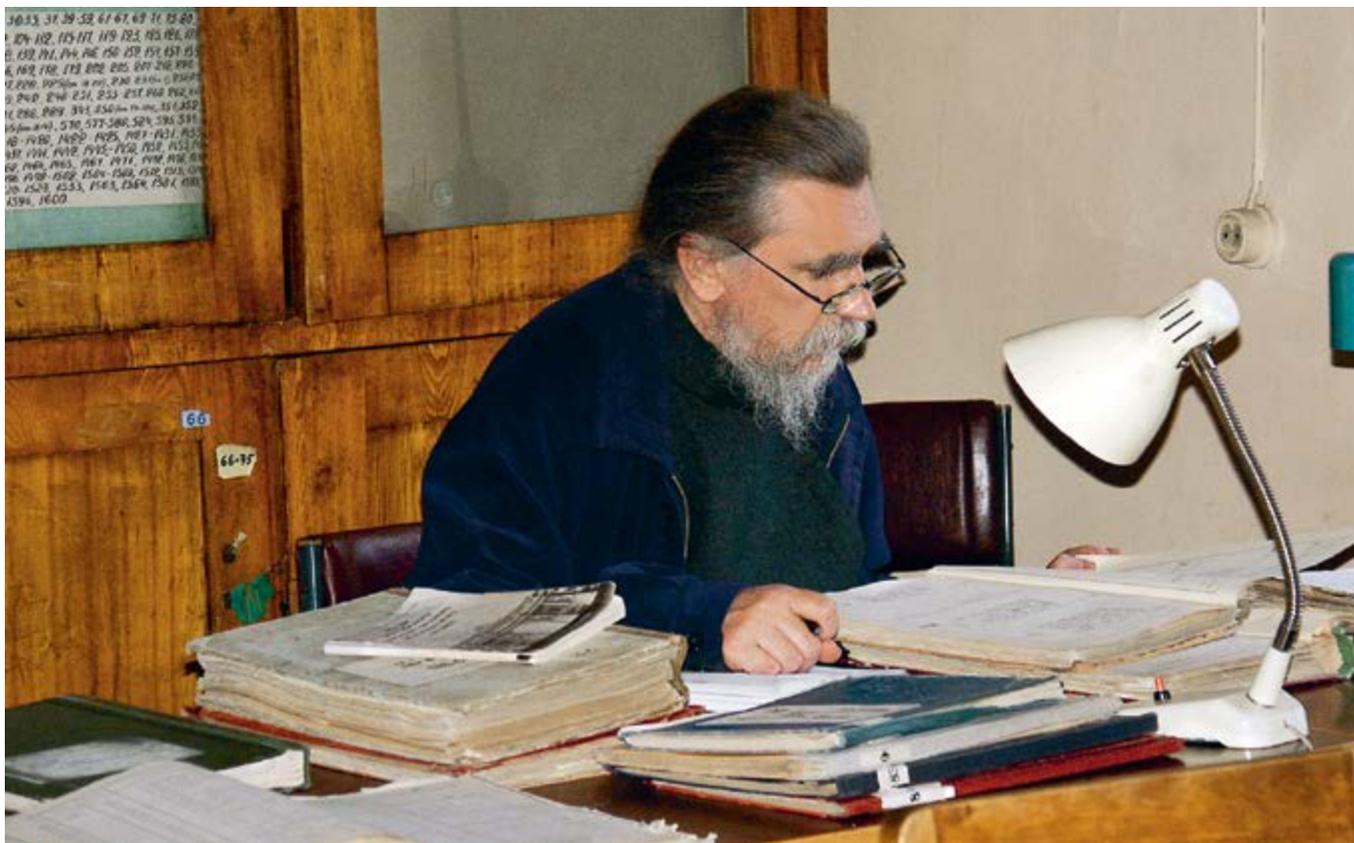
Читальный зал Центрального архива КГБ на Кузнецком Мосту — с документов этого архива я начал свою работу. В чем была главная проблема? Обычно исследователь занимается изучением биографии какого-то одного конкретного лица или группы лиц. Передо мной стояла другая задача: изучить биографии сотен людей, активная религиозная жизнь которых началась задолго до революции, а значит, надо было изучать материалы в РГИА (бывшем Синодальном архиве в Санкт-Петербурге), где собраны документы дореволюционной истории Российской Православной Церкви и ее деятелей. И надо было выработать принципы этой работы. Главной задачей было не ошибиться в умозаключениях

о человеке. Не зная его предшествующей «дореволюционной» истории, приходилось знакомиться с очень большим, можно сказать, избыточным «послереволюционным» материалом. Надо было пересмотреть множество дел, чтобы понять, как человек держал себя на следствии, оказавшись в тесных, подчас суровых обстоятельствах. В 1937 году расстреливали и верных, и неверных Церкви, и исповедников, и предателей. Проблема подготовки материалов к канонизации новомучеников была в том, что один и тот же человек мог быть расстрелян, не признав себя виновным, не оговорив себя, но при этом во время следствия мог лжесвидетельствовать против своих собратьев. Чтобы это узнать, нужно просмотреть все дела одного архивного комплекса.

— *То есть вам надо было выработать принципы отбора информации, чтобы понять, кто мученик, а кто просто безвинно убитая жертва?*

— Церковные принципы и подходы были выработаны еще в III веке, при древних канонизациях, когда также были массовые гонения на христиан. Тогда тоже производились исследования и возникали вопросы, кто может быть прославлен и кто нет, сведения об этих подходах сохранились в трудах святых отцов. Но в древности не было всеохватного государства, ставившего своей целью уничтожение Церкви. Не было такого размаха репрессий. В первые века гонений, если христиан преследовали в одном городе, они, по слову Христову, бежали в другой (см. Мф. 10, 23). Репрессивный указ относительно христиан, изданный наместником одной области, не действовал в другой, и преследуемый человек мог жить там относительно спокойно и затем при перемене наместника или отмене указа вернуться обратно.

Советский Союз был закрытой территорией, и если указ издавался центральной властью, то он распространялся по всей территории страны, и преследуемому человеку особо некуда было деться. Начиная с 1918 года советское государство ставило своей целью установление тотального надзора над верующими, несравнимого с тем, что был в Римской империи, оно старалось через своих представителей проникнуть в церковные институты и приходы. Сложилась ситуация, когда некоторые церковные люди со-

гласились тогда на тесное сотрудничество с государством, проводившим политику репрессий, и были сами впоследствии репрессированы.

Жизнь человека сложна: сегодня он мужественен, а завтра может быть малодушным, сегодня он верен Богу и Церкви, а завтра по каким-либо причинам у него начинаются колебания в вере. И нужно было проследить жизнь человека от начала и до конца, не оставляя не изученным никакого временного пробела, чтобы увидеть, что это действительно мученик, исповедник и что он до конца остался верен Христу.

— **Вам было необходимо разобраться также и в том, как репрессивная система создавала и записывала свои документы — следственные дела или внутреннюю документацию.**

— Безусловно. И в этом мне помогли документы Архива Президента РФ. Перечитывая распоряжения Сталина и Политбюро, их резолюции, понимаешь мотивы принятия решений тогдашними руководителями государства, результаты действий которых распространялись на все население страны, и, в частности, их отношение к Церкви, что ими двигало. Это сложные документы, они краткие и сами в себе не

содержат объяснений. Но когда их много и они связаны со значительным периодом времени, тогда можно разобраться, что происходило, когда гонения на Церковь только начинались, и какие мотивы были их начать, и что происходило в самый их пик. И стало проясняться, в каких обстоятельствах жила Церковь в то время. А что касается более-менее точного прочтения судебно-следственных дел, то здесь потребовался сравнительный анализ содержания документов в разные этапы деятельности следственных органов, понимания ими задач в тот или иной период времени, да еще и осмысление психологии действующих лиц. То есть потребовался научный подход, причем сложный, с учетом максимально возможного количества доступных исследователю данных.

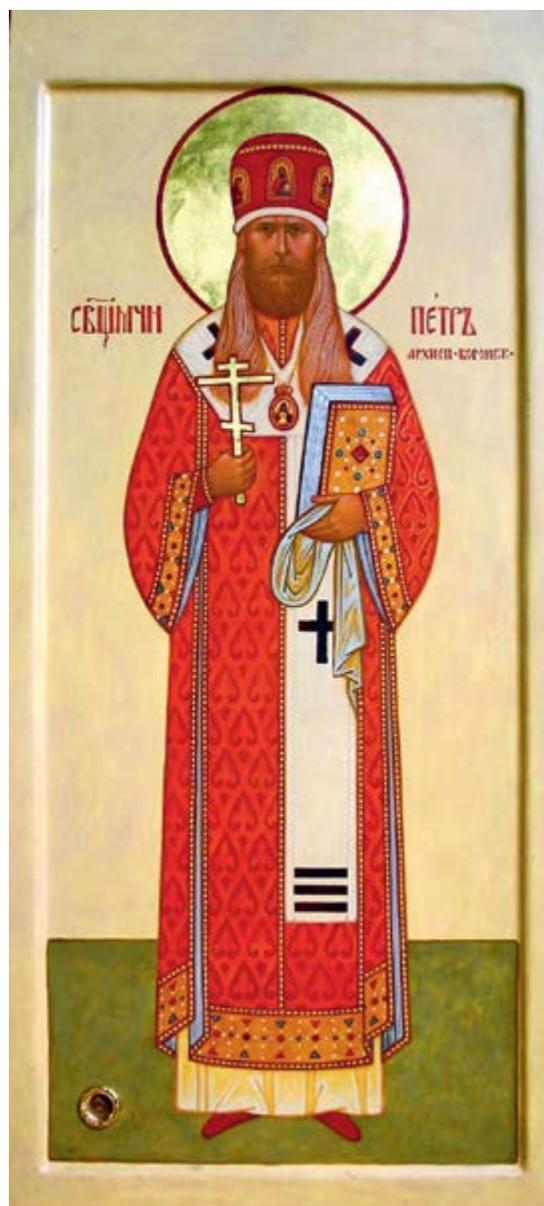
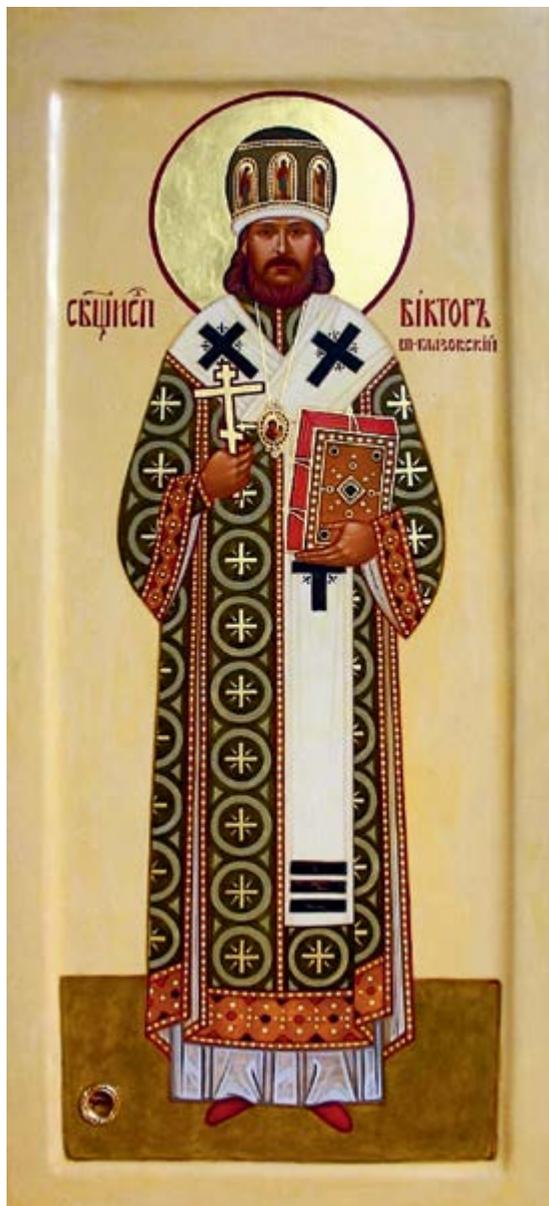
— **В 2025 году исполнится сто лет со дня кончины Патриарха Тихона. Вы были первым, кто держал в руках его следственное дело.**

— Действительно, это было первое судебно-следственное дело, с которым я ознакомился в конце 1990 года. Я хотел изучить дела архипастырей Русской Православной Церкви той эпохи. Во-первых, потому, что они значимы сами по себе как церковные деятели,

За работой с церковными документами в Российском государственном историческом архиве

Икона священно-
исповедника
Виктора (Остро-
видова) (слева)

Икона священно-
мученика Петра
(Зверева) (справа)

во-вторых, в делах людей, занимавших высокое иерархическое положение, хранятся и многие другие материалы, касающиеся истории Церкви в тот период. Так, «пристежкой» к делу митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) шли материалы судебных процессов по изъятию церковных ценностей, которые проходили в 1922 году по всей стране. И можно было составить представление об общем масштабе этой кампании.

Судебно-следственное дело Патриарха Тихона, состоявшее из десятков томов, касалось не столько его, сколько всей Церкви. И этим оно было ценно. Материалов, касающихся непосредственно Патриарха Тихона, в нем не-

много. Но к этому делу подверстывались дела других епископов, священников, официальные церковные документы и распоряжения партийных функционеров. Следователи собрали в него все, что было у них под руками и что казалось им важным.

Патриарху Тихону можно только посочувствовать. Он вряд ли ожидал, что все будет так жестко и необратимо. Многие «старинные» люди, которые жили до революции в относительно спокойное время в России, психологически не могли поверить, что может наступить подобного рода действительность, что она вообще возможна и что это надолго.

— Но мы помним горькие слова Патриарха Тихона о том, что на Россию опускается ночь

и она будет долгой. То есть осознание этого все-таки к нему пришло.

— Да, он сказал это перед смертью. К тому времени он перестал верить, что может что-то измениться. Когда верующие просили, чтобы он, используя свой авторитет и общественное положение, помог воспрепятствовать закрытию церкви, Патриарх, хотя и подписывал эти бумаги, участвуя в ходатайствах перед ВЦИКом, на самом деле уже не верил, что будет от этого какой-либо толк. Он столкнулся на допросах лицом к лицу с людьми беспринципными, хитрыми и безжалостными. Для него само существование подобных людей стало открытием. Он жил в совершенно другой среде и с таким цинизмом никогда не сталкивался. Митрополит Крутицкий Петр (Полянский), который стал в 1925 году Патриаршим Местоблюстителем, быстрее в этом разобрался и понял, что это за люди, что их инструментарий воздействия на человека очень широк, у них нет принципов, но есть цель, которой они добиваются, не ограничивая себя в средствах.

— В этом году исполняется 95 лет со дня преставления священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. В 1999 году Патриарх Алексий II благословил рабочую груп-

пу при Синодальной комиссии по канонизации святых, которой вы руководили, отыскать место захоронения архиепископа Воронежского Петра на острове Анзер Соловецкого архипелага, скончавшегося в Соловецком лагере. Расскажите, как это происходило.

— Поставленная перед нами задача была нелегкой. Изучением биографии архиепископа Петра я начал заниматься давно, в начале 1980-х годов, встречался с его духовными детьми и имел о нем довольно полное представление. Вера его духовных детей, что наступит время, когда его мощи будут обретены, сподвигла меня поехать на Соловки и попробовать найти место его захоронения. Но это оказалось тогда невозможным из-за трудностей в самих поисках: там еще не было действующего Голгофо-Распятского скита, а только государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник на острове Анзер. И тогда я понял, что Господь предлагает мне отложить эти поиски до другого времени. Ты имеешь описание места захоронения, знание о нем подталкивает к деятельному исследованию, а Господь говорит: остановись, время этому еще не пришло.

Наступило другое время, в 1999 году Синодальная комиссия начала готовить материалы

*Архиепископ
Петр (Зверев)
(слева)*

*Епископ Виктор
(Островидов)
(справа)*

Иеромонах Дамаскин, Наталья Злых и Галина Попова после обретения мощей священноисповедника Виктора (Островидова). Поселение Нерица, Республика Коми

для канонизации архиепископа Петра на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года. Когда стало очевидно, что он будет на этом Соборе прославлен, Патриарх Алексий II дал благословение на исследование места его упокоения.

У нас было описание места захоронения, которое сделала монахиня, бывшая в заключении вместе с архиепископом Петром на Соловках, но были и сомнения в точности ее описания. Тогда же вышла из печати книга воспоминаний архимандрита Феодосия (Алмазова), который также в это время был в заключении на Соловках и который подробно описал обстоятельства погребения архиепископа Петра. Это были два разных свидетеля, не знакомые с описанием друг друга. Монахиня скончалась в России, отец Феодосий — за границей, но оба они говорили об одном и том же месте. Это придавало уверенности в конечном успехе поиска. Подвигли к исследованиям и фотографии Анзера, сделанные влюбленным в красоту Соловков фотографом ранней весной, когда сошел снег и на земле стали видны все следы вмешательства человека.

Для такого исследования нужны специалисты, и к нему были привлечены кандидат исторических наук Юрий Александрович Смирнов и профессор Леонид Игоревич Верещинский-Бабайлов — археологи и доктор медицинских наук профессор Виктор Николаевич

Звягин. Мощи архиепископа Петра были обреты на третий день за алтарем Воскресенского храма, что соответствовало описанию очевидцев. Нам было известно, что он скончался зимой и сначала был погребен в общей могиле, но из-за того, что святителя так почитали и любили, его тело было перенесено в отдельное захоронение. Рядом с Воскресенским храмом были найдены и общие массовые захоронения.

Мощи были доставлены в Москву на экспертизу к Виктору Николаевичу Звягину, у которого на некоторое время возникли сомнения в принадлежности мощей священномученику Петру. Его сомнения оказались промыслительными. На следующий год мы снова поехали на остров Анзер, и тогда была вскрыта вся территория лагерных захоронений в том месте, где находится Голгофо-Распятский скит. Таким образом было обнаружено еще одно захоронение. После изучения архива Соловецкого лагеря выяснилось, что это захоронение принадлежит канонизированному священномученику Владимиру Введенскому, который, как нам было известно из документов архивов, скончался на Соловках на острове Анзер. У него единственного из погребенных здесь сохранилось в лагерных документах подробное описание особых примет. Так состоялось обретение мощей священномученика Владимира Введенского. Тогда же были обреты мощи преподобного Иисуса Анзерского и перенесены в храм Воскресения Христова Голгофо-Распятского скита.

История с обретением мощей показала, что необходимо постоянно находиться в диалоге с Богом и со святыми и понимать, что это дело не человеческое, а Божие. Все действия, которые совершаются в Церкви, должны иметь религиозное обоснование и не исполняться механически. Нет механически совершаемых канонизаций, как нет и механически совершаемых обретений мощей святых. На все должно быть Божие благословение.

— Вы рассказываете, что не раз чувствовали, как Господь поддерживает вас в вашей работе.

— Человеку невозможно справиться с таким делом без помощи Божией. И когда было критическое положение, сомнения и мысли, а возможно ли вообще человеку это дело исполнить, я услышал от Господа: «Не бойся, только веруй».

В этом году исполняется 90 лет со дня кончины священноисповедника Виктора (Островидова), епископа Глазовского, викария Вятской епархии. С изучением его биографии связана интересная история. Сначала собиралось устное предание о нем, затем я изучал его судебные дела. Выяснил, что он был похоронен не в Вятке, как некоторые считали, а в месте своей последней ссылки — в Республике Коми, в сельском поселении Нерица. Помогавшая мне Галина Попова вызвалась поехать туда, чтобы разыскать его могилу. А это место довольно глухое. На «Ракете» она добралась по реке Печоре до ближайшего к Нерице пункта, сошла на берег и стала раздумывать: как же ехать дальше? Вместе с ней сошла на берег только одна женщина. Галина обратилась к ней с вопросом. И оказалось, что эта женщина направляется в Нерицу, где в доме ее родителей останавливаются те, кто приезжает потихоньку помолиться на могиле епископа Виктора и почтить его память. Вот так Господь указал того единственного человека, который показал место захоронения священноисповедника.

Незадолго до канонизации епископа Виктора я был в Вятке, где священноисповедник в 1920-х годах служил викарием. Там мы встретились с архиепископом Вятским Хрисанфом, и он благословил исследовать место захоронения священноисповедника, обрести его мощи и перенести в Вятку. Мощи епископа Виктора были обретены в 1997 году. Сегодня эта святыня находится в Вятском Преображенском женском монастыре, куда приезжают паломники со всей России.

— Вы начали заниматься новомучениками, будучи мирянином. Этот непростой исследовательский труд привел вас к принятию монашества в 1988 году. Как это произошло?

— При собирании сведений о мучениках быстро выяснилось, что заниматься этими исследованиями нельзя между делом, так как они требуют огромных усилий — и физических, и моральных. Ты уже ничего большего не можешь вместить. Сталкиваясь с десятками людей и получая сведения о сотнях, которые нужно было запомнить и осмыслить, ясно, что никакое человеческое сознание не может это вместить. Объем информации увеличивался с каждым годом и вытеснял частную жизнь. Некоторые

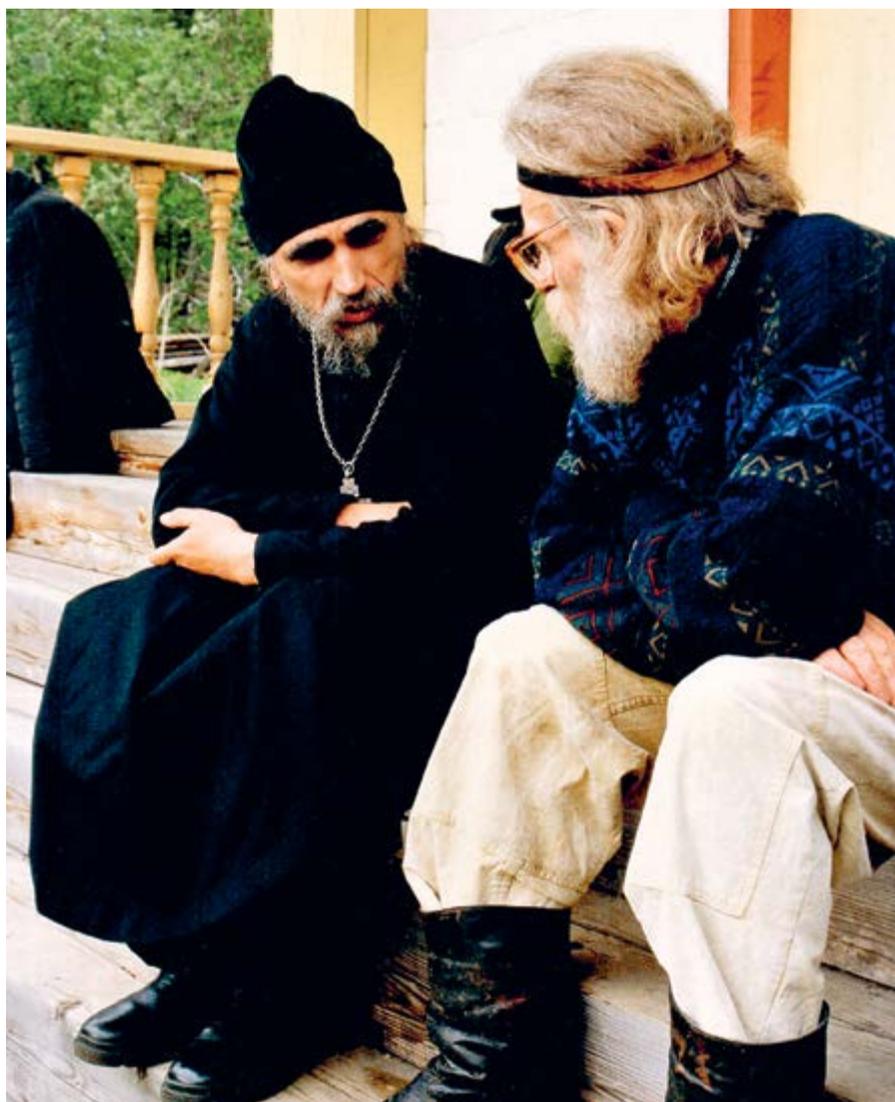
исследователи, сталкиваясь с практическими трудностями, отдавали мне сделанные ими записи. Речь в этом делании шла только о полном самоотречении.

На предварительных этапах потребовался большой пост, надо было подготовить себя к работе, а подготовиться можно было только самоограничением.

Мне предлагали рукоположение, но я отказывался, потому что не был уверен, смогу ли совместить пастырское служение с исследовательской деятельностью. Но когда поступило предложение от епископа Ивановского и Кинешемского Амвросия (Щурова), который хорошо знал, чем я занимаюсь, то я понял, что в данном случае монашество будет не препятствием в моем труде, а помощью.

— Вы стояли у истоков возрождения житийного жанра, агиографической традиции.

*Иеромонах
Дамаскин и археолог
Ю. А. Смирнов,
остров Анзер*

По каким принципам должно строиться житие?

— Кто берется писать житие святого, обязан изучить всю его биографию, в которой не должно быть никаких темных мест и выдуманных пассажей. Агиограф исследует человека так, как если бы он жил рядом с ним. Как в древности, когда послушник пребывал рядом со старцем и записывал факты его биографии. Ты исследуешь до тех пор, пока ясно не начнешь представлять человека, что он думает, что делает и как поступит в тех или иных случаях, и ты получаешь в конце концов одобрение от него самого на написание того или иного эпизода. Начинаешь понимать, что он одобряет, а что нет, настолько ты хорошо его знаешь. У тебя установилась с ним такая связь, что ты можешь увидеть, что он хочет, чтобы было написано о нем, а что нет. Не то чтобы он говорит тебе: об этом не пиши. По-другому: ты хочешь о чем-то узнать, но пусть это останется тебе неизвестным как нечто несущественное. Святые личности остаются личностями, имеющими свою собственную благую волю. Когда тыходишь в такие отношения с человеком, он тебе сам указывает на свои пожелания, создавая иной раз несокрушимые препятствия, которые никто не сможет преодолеть.

Как бы вы оценили сегодняшние возможности архивной работы православных историков, учитывая, что работа в архивах ограничена?

— Фундаментальное изучение судебных-следственных дел и вообще истории советского периода сейчас, действительно, если не вообще невозможно, то довольно затруднительно. Невозможно писать исчерпывающе историю, имея лакуны в документальной базе, нужно располагать всеми документами, чтобы иметь возможность их сравнивать и анализировать.

Однако для церковных историков остается открытым для исследования большой пласт доступных документов, относящихся к дореволюционному периоду до 1918 года. Эти документы представляют значительный интерес и могут дополнить исследования биографий новомучеников материалами того периода, когда гонения на Церковь еще не наступили. Изучая их, мы можем узнать, из какой эпохи пришли новомученики, какой они ее видели и каким

они видели будущее. А это огромная работа, материалов много, и они не просты для объективного анализа. Чтобы понять, что происходило во время гонений, необходимо тщательно разобратся в дореволюционной эпохе. Восстановление дореволюционной биографии мученика требует большого и кропотливого труда, и для этого надо иметь весомую документальную базу. Это так же сложно, объемно и трудозатратно, как и исследовать мученический подвиг на основе судебно-следственных дел, потому что во всех этих случаях надо изучать исторический контекст, не подменяя его легендой.

— На Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году был канонизирован целый сонм новомучеников. Чем это историческое событие стало для Русской Церкви?

— Мученики — это плоды прихода в мир Спасителя, Его страданий, но главное — Его воскресения. Это плоды Его сеяния. Для Русской Церкви этим важнейшим событием завершилось тысячелетие ее существования. Это плоды Русской Православной Церкви. С одной стороны, подведен итог, с другой — в лице новомучеников люди получили небесных заступников, с третьей — была закрыта пропасть незнания об истории Русской Церкви этого трагического с человеческой точки зрения периода. Благодаря изучению биографий новомучеников мы знаем, что тогда происходило. Церковное предание тех лет зафиксировано. Теперь предстоит длинный путь просвещения, приобщения к этому знанию других, увековечения памяти новомучеников и исповедников. Некоторые мученики оставили богатое духовное наследие, которое следует изучить, подготовить к печати и издать. Сегодня это поприще нашей общей церковной деятельности.

Агиограф несет ответственность за безупречность основанного на действительных фактах изложения жития святого, которое выполнено в соответствии с церковными правилами. Выводы из жизни мучеников и исповедников люди делают сами. Жизнь мучеников — это зеркало, в котором отражается свет горнего мира. И с другой стороны, жизнь новомучеников — это жизнь нашего XX века, нашей Церкви и в целом нашей страны.

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА